

Экономика России к началу эпохи «после Путина»

Каркас российской экономики чрезвычайно устойчив. В базовом сценарии «Россия на пути к 2025» к концу прогнозного периода экономические проблемы могут сильно ослабить режим, но не обрушить его | **СЕРГЕЙ АЛЕКСАШЕНКО**

Экономика — механизм чрезвычайно инерционный. Эффект даже самых сильных потрясений может сказываться через несколько месяцев, а результаты принятых властями решений, изменений в законодательстве, в методах и принципах регулирования могут проявляться через несколько лет. Это заставляет с особой осторожностью относиться к сценарному прогнозированию: если применительно к политическим процессам можно идентифицировать некие развилки, которые приводят к принципиально различным сценариям, то в прогнозировании экономических процессов даже радикально отличающиеся друг от друга сценарии будут развиваться под воздействием инерции предыдущих лет, силы накопленных трендов, а также внешних (для экономики) предпосылок. И никакая власть не может на них повлиять в кратко- или даже среднесрочной перспективе.

Для данного сценарного упражнения — Россия на пути к 2025 году — в качестве базового условия выбрана гипотеза о том, что в 2018 году Владимир Путин будет переизбран на очередной президентский срок и, таким образом, останется в Кремле как минимум до 2024-го. Экономическая ситуация в России

в этом базовом сценарии будет развиваться инерционно, без радикальных изменений в экономической политике, но одновременно будут набирать силу новые внешние (по отношению к экономике, но не к России) факторы, которые уже сегодня отчетливо видны, но чье воздействие на экономику пока не очень ощутимо. Для того чтобы получить представление о механизмах развития такого сценария, необходимо совершить краткий экскурс в экономическую историю России начиная с 1999-го года. Это позволит зафиксировать движущие силы экономического роста до кризиса 2008-го и причины его замедления в 2011–2014-м, а также определить характерные элементы экономической политики Владимира Путина.

В качестве отклонений от базового сценария вкратце будут рассмотрены два варианта: 1) «новая холодная война» как следствие российской политики в отношении Украины; основными факторами этой войны станут экономические санкции со стороны Запада и попытка российского руководства обеспечить развитие с опорой на собственные силы, и 2) «смена вех», в ходе которой российское руководство (независимо от личностей) примерно в середине

прогнозного периода осознает глубину экономических проблем и начнет заниматься их решением.

Российское экономическое чудо: а было ли оно?

Десятилетний период, с конца осени 1998-го до середины 2008 года, вполне можно рассматривать как «русское экономическое чудо» – средние темпы роста экономики в этот период составили примерно 7 проц. в год, что очень много по мировым меркам. Достаточно отметить, что после Второй мировой войны зафиксировано всего 13 случаев, когда экономики отдельных стран росли с такой скоростью на протяжении жизни целого поколения – 25 лет. Но для того, чтобы России удалось «зацепиться» за такие темпы, нужно, чтобы у экономической динамики был мощный двигатель роста, опирающийся на сочетание природно-географических, политических и экономических факторов. Однако уже к 2010–2011 годам стало понятно, что удерживать семипроцентный рост экономика России не может, и это позволяет утверждать, что в первом десятилетии XXI века никаких рецептов быстрого роста политическому руководству страны найти не удалось. Более того, посекторный анализ динамики российской экономики в это десятилетие показывает, что период быстрого экономического роста не был однородным: в разные периоды времени его определяли разные факторы, которые сменялись, а временами наслаивались друг на друга.

- 1999–2001 – рост экономики обусловлен резкой девальвацией рубля во время кризиса 1998-го, которая повысила конкурентоспособность российских, в первую очередь потребительских, товаров. Действие этого фактора оказалось исчерпанным к середине 2001-го;
- 1999–2004 – стабильность прав собственности и основных правил игры в экономи-

ке привели к резкому росту инвестиций и эффективности частных компаний в экспортно-ориентированных сырьевых секторах. Производство нефти в физическом выражении в это время выросло на 50 проц., металлов – на 30–35 проц. (для сравнения, производство газа в этот период увеличилось всего на 10 процентов). Действие этого фактора было исчерпано к середине 2004-го под влиянием «дела ЮКОСа»;

- 2002–2005 – быстрый рост нефтяных цен на мировом рынке и запоздалое (лишь в конце 2004-го) повышение налоговой нагрузки на нефтяной сектор привело к формированию существенных финансовых ресурсов у частных компаний, которые частично были направлены на цели развития;
- 2005–2008 – быстрый рост внешней задолженности корпоративного и банковского сектора привел к перегреву экономики; практически весь рост был сконцентрирован в неторгуемых секторах (финансы, строительство, операции с недвижимостью).

Таким образом, надо признать, что причиной десятилетия бурного роста была не экономическая политика президента Путина, а наследие так нелюбимых им реформ 90-х годов и внешние факторы. Тогда становится понятно, что основными причинами торможения экономики стали контрреформы, проводимые Владимиром Путиным в 2004–2013 годах, и исчерпание позитивного импульса от улучшения внешней конъюнктуры в первом десятилетии XXI века.

Кризисное «похмелье»

Существует распространенная точка зрения, что кризис 2008-го пришел в Россию извне, а никаких внутренних предпосылок для кризиса в России в тот момент не было. Хотя самый мощный за последние 80 лет мировой

экономический кризис, разумеется, оказал сильнейшее воздействие на экономику большинства стран мира, включая Россию, тем не менее указанная точка зрения не имеет под собой оснований. Конечно, события лета-осени 2008 года, когда финансовый шторм рушил один за другим крупнейшие американские финансовые институты и, в конечном итоге, привел к параличу мировой банковской системы, сыграли крайне негативную роль и спровоцировали многие негативные для российской экономики тенденции и процессы. Но нельзя не отметить, что к

счет быстрорастущих нефтяных цен. Наша экспертная оценка говорит о том, что границей устойчивости платежного баланса России является величина положительного сальдо счета текущих операций (СТО) в размере 0,5–1 проц. ВВП. Традиционно, когда величина СТО опускалась ниже этого уровня, российская валюта резко ослабевала. Так было в 1997–1998 годах, так случилось и в 2008-м¹.

3) Быстрое наращивание внешнего долга корпоративным и банковским секторами², который с начала 2005 года прирастал на 100–120 млрд дол. ежегодно. Самым опасным

“В условиях сложившегося политического режима экономическая политика государства оказалась в полной зависимости от **личных взглядов** Владимира Путина”.

этому кризису экономика России подошла «беременной кризисом»; к лету 2008-го в ней сформировались болевые точки, которые на горизонте двух-трех лет должны были стать причиной кризисных явлений. По крайней мере, об этом говорит опыт многих развивающихся стран, попадавших в аналогичные ситуации. Такими болевыми точками были:

1) Перегрев экономики с признаками «голландской болезни», которая росла исключительно за счет неконкурентных секторов (главным образом строительство, операции с недвижимостью и финансовый сектор). Если в 2006–2007-м многие эксперты отрицали наличие и перегрева, и голландской болезни, то к началу кризиса это стало общей позицией в оценке ситуации. Даже правительственные чиновники признавали некоторые признаки перегрева. Опыт мировой экономической истории утверждает, что бескризисный выход из состояния перегрева – крайне редкое явление;

2) Резкое ослабление платежного баланса; положительное сальдо текущих операций удавалось поддерживать исключительно за

для экономики был даже не размер совокупного долга, накопленного к моменту кризиса (долг был относительно невелик – 508 млрд дол., менее 32 проц. ВВП), а то, что примерно треть его подлежала погашению в течение полутора лет – с третьего квартала 2008 года по четвертый квартал 2009-го. Можно говорить, что в 2008-м произошло определенное дежавю – повторение кризиса 1998 года, только не с государственным долгом, а с корпоративным. Стратегия внешних заимствований российских банков и компаний была построена не на точном расчете эффективности собственной деятельности, что позволило бы генерировать положительный финансовый поток, достаточный для обслуживания долга, а на логике рефинансирования «короткий долг – длинный долг – продажа акций». В результате банки и компании стали заложниками конъюнктуры финансовых рынков. Опыт многих развивающихся стран (Мексика в 1994-м, Корея, Таиланд, Индонезия в 1997-м, Турция в 2001-м) свидетельствует о том, что рано или поздно наступает «точка насыщения», когда

инвесторы считают, что дальнейшее кредитование становится слишком рискованным, и прекращают давать новые займы, требуя, однако, погашения старых.

4) Центральному банку России не удалось создать нормально функционирующую систему банковского надзора. Банк России не только оказался не в состоянии адекватно оценивать риски банковской системы в целом или отдельных банков³, но и не смог отследить банальные случаи разворования активов, например, в Связь-Банке, банке «Электроника» или Межпромбанке. Российские банки пренебрегли всеми разумными ограничениями в своей деятельности и, уверовав в тенденцию постоянного укрепления российского рубля, взяли на себя несоразмерные валютные риски. По оценкам Банка России, незахеджированная открытая валютная позиция российских банков (несовпадение их обязательств и активов) к осени 2008 года составила примерно 130 млрд дол.⁴, что соответствовало величине капитала банковской системы. Такая ситуация означает, что 10-процентная девальвация рубля немедленно приводила к потерям банковской системы в размере 13 млрд дол. при том, что вся прибыль российской банковской системы за три квартала 2008-го составляла 354 млрд рублей (14 млрд дол. по курсу на начало октября 2008-го).

Кризис 2008—2009 годов оказался чрезвычайно разрушительным для российской экономики. Ее падение от точки максимума (середина 2008-го) до точки минимума (конец первого квартала 2009-го) составило 10 процентов. Был разрушен механизм докризисного роста, восстановление было крайне медленным и опиралось исключительно на финансовые вливания государства (частный бизнес и банки занимались реструктуризацией долгов и не могли инвестировать в развитие значимые объемы ресурсов). Докризисного уровня российская экономика

достигла только в конце 2011 года, то есть на преодоление последствий кризиса ей понадобилось 11 кварталов.

Экономическая доктрина Путина

К моменту выхода из кризиса стало понятно, что на дальнейшее сохранение исключительно благоприятной внешней среды (продолжение роста сырьевых цен, наращивание корпоративного внешнего долга) российской экономике рассчитывать не приходится. И что траектория ее дальнейшего развития будет определяться главным образом политикой российских властей. При этом в условиях сложившегося в России политического режима экономическая политика государства оказалась в полной зависимости от личных взглядов Владимира Путина и его «экономической доктрины». На наш взгляд, она не является комплексной, а скорее напоминает не до конца собранную картинку паззла при том, что в собранной части явно присутствуют совершенно разнородные, плохо согласующиеся между собой элементы. Попробуем тезисно выделить ключевые элементы такой доктрины. Итак, Владимир Путин

1) не является (по крайней мере, пока) сторонником возврата к советской плановой экономике. Водоразделом между рыночной и плановой экономиками является свободное ценообразование, которое российский президент пока не подвергал сомнению. Более того, следует признать, что российские власти, пусть медленно, но последовательно, движутся в сторону либерализации в таких ключевых для экономики секторах, как цены на электроэнергию и газ. В последние пару лет не приходилось слышать о каких-либо решениях правительства (или «добровольных» решениях российских нефтяных компаний) о замораживании цен на горюче-смазочные материалы для сельского хозяйства, что было нормой вплоть до 2012 года;

2) не являлся и не является сторонником реформ. Ни экономических, ни каких-либо еще. С точки зрения Путина, любые реформы нарушают статус-кво, баланс интересов и тем самым дестабилизируют ситуацию⁵. Доказательством его реформаторских настроений в экономике обычно называют введение единой (плоской) ставки подоходного налога в 2001-м⁶, но других примеров с тех пор не прибавилось⁷;

3) в экономической политике (и, пожалуй, не только в ней) больше доверяет личностям, нежели принципам. Именно поэтому так легко

ВВП) являются безусловными и пересмотру не подлежат — он готов идти на сокращение любых расходов бюджета в кратко- или среднесрочной перспективе, но не готов принять решение даже о временном и незначительном повышении размера дефицита (например, до 1,5–2 проц. ВВП), которое никак не скажется на макроэкономической ситуации в стране;

5) двойственно относится к верховенству права. С одной стороны, Путин исходит из того, что все граждане и предприятия обязаны соблюдать те законы, которые существуют в стране. С другой стороны, он не считает,

“Путин не рассматривает ни конкуренцию, ни частную инициативу как двигатель экономики, и поэтому спокойно идет на повышение налогов”.

«проходили через него» и пользовались его решительной поддержкой и защитой такие неоднозначные реформы, как, например, монетизация льгот по рецепту Михаила Зурабова в 2004–2005 годах. На стадии законодательного процесса в ней были обнаружены арифметические ошибки, которые впоследствии стали причиной массовых протестов пенсионеров и «пожарных» расходов федерального бюджета. По каким-то вопросам Путин доверял Алексею Кудрину, по каким-то — Герману Грефу, по каким-то — Татьяне Голиковой, по каким-то — Игорю Левитину, взгляды которых на экономику и принципы экономической политики не всегда совпадали между собой. И это, как правило, приводило к блокированию многих решений на стадии обсуждения;

4) хорошо помнит кризис 1998-го, был им сильно напуган, и этот страх, по всей видимости, владеет им до сих пор. Путин проанализировал причины того кризиса и признал, что главной болезнью российской экономики в то время был дефицит бюджета. Именно поэтому для него зафиксированные предельные размеры дефицита бюджета (1 проц.

что государство обязано соблюдать законы и, более того, государство может их менять в любой момент либо подменять и корректировать своими решениями, исходя из собственных представлений о целесообразности;

6) является приверженцем дирижистских методов экономической политики. Путин уверен, что государство не может ошибаться и тем самым, принимая то или иное решение, контролируя то или иное предприятие или сектор, вводя те или иные ограничения, оно всегда играет сугубо положительную роль. Поэтому он активно выступал за создание различных госкорпораций и поддерживает их существование периодическими бюджетными вливаниями. По той же причине Путин так спокойно относится к невыполнению планов по приватизации (денег у бюджета хватает, а истинная приватизация — выход государства из экономики — ему не представляется правильной) и к периодическому поглощению госкомпаниями частных фирм, находящихся в конкурентных секторах, зачастую даже вне сферы их прямых интересов;

7) не верит в силу конкуренции и частной инициативы. Путин не рассматривает ни то, ни другое как двигатель экономики и потому спокойно идет на повышение налогов (социальные налоги, налоги на малый бизнес); по той же причине он так неохотно и в таком усеченном виде провел экономическую амнистию;

8) скорее мирится с наличием частной собственности в России, нежели считает ее основой экономической системы. Путин полагает, что все крупные состояния в современной России возникли на основе советских активов и что их нынешним владельцам определенным образом повезло. Именно это, с его точки зрения, оправдывает существование концепции «пользования активами». Суть ее в том, что для крупных олигархов не существует собственности на активы; они могут управлять активами и являться их бенефициарами, но при этом не вправе принимать самостоятельные решения об их продаже, реструктуризации (закрытии производств) и т. д. Права управления и получения бенефициарного дохода даны государством, и, следовательно, государство имеет право в любой момент отобрать эти права и передать их другому (или оставить в своей собственности). Процесс отъема активов может проходить в форме цивилизованной продажи по реальным ценам (Сибнефть, Уралкалий, Теле2), продажи под принуждением с дисконтом (ВСМПО-АВИСМА) или в форме силового захвата (ЮКОС, Банк Москвы). Крупный российский бизнес принимает эту концепцию и не оспаривает ее⁸;

9) не считает правильным привлекать масштабные прямые иностранные инвестиции. Путин понимает, что с иностранным бизнесом нельзя будет выстраивать такую же политику, как с российским, поэтому он считает необходимым наличие формальных и неформальных фильтров для вхождения иностранного капитала в Россию (такими

фильтрами являются закон об иностранных инвестициях в стратегические отрасли экономики и правительственная комиссия по допуску иностранных инвесторов к покупке российских активов);

10) поскольку все крупные российские состояния 1990-х возникли не без поддержки государства, то, с точки зрения Путина, нет ничего зазорного в том, что и в 2000-е годы такие же состояния могут возникать при его (государства) поддержке. Поэтому нормальным является использование административного ресурса для того, чтобы знакомые Путина получали контроль над крупными финансовыми потоками (Тимченко и *Gunvor*), выигрывали практически все крупные строительные контракты, финансируемые за счет средств бюджета, или попросту получали право устанавливать посредническую наценку при закупках госкомпаниями каких-либо товаров (трейдинговая компания братьев Ротенбергов по поставке труб «Газпрому»).

Экономика России в базовом сценарии

Ключевой вопрос для прогноза может звучать так: «есть ли основания ожидать, что наблюдаемые сегодня негативные процессы в экономике будут постепенно набирать силу и со временем перерастут в экономическую катастрофу, что создаст предпосылки для резкого ослабления режима и возможной его смены?» Вкратце ответ на него звучит следующим образом: каркас российской экономики чрезвычайно устойчив в базовом сценарии к концу прогнозного периода «Россия на пути к 2025» экономические проблемы могут сильно ослабить режим, но не обрушить его. Аргументация выглядит следующим образом:

1. Любая экономика является внутренне устойчивым организмом, и разрушить эту устойчивость не очень просто. Устойчивость российской экономики повышается в силу ее примитивной структуры.

Так 85 проц. экспорта — сырье и продукты его первичной переработки (67 проц. — углеводороды). Понятно, что в растущей мировой экономике спрос на сырье будет сохраняться. Замедление экономического роста в Китае и его переход на режим снижающегося ресурсопотребления на прогнозном периоде будет компенсироваться нарастанием спроса на первичные ресурсы в Индии и Африке. Следовательно, российские сырьевые ресурсы будут добывать и до определенной степени перерабатывать (в том числе и за счет освоения новых месторождений в Восточной Сибири, для чего потребуются масштабные точечные инвестиции); транспортники будут его перемещать (по железной дороге или трубопроводам), банкиры обслуживать финансовые потоки, связисты обеспечивать связь и т. д. В силу высокой зависимости российской экономики от импорта будет работать вся система экспортно-импортной торговли и логистики. Будет работать ОПЕК, которому выделены громадные финансовые ресурсы, бюджетный сектор, строительство жилья, пищевая промышленность. Все это составляет каркас российской экономики, и этот каркас чрезвычайно устойчив. Конечно, его состояние будет зависеть от внешней конъюнктуры, но было бы неправильно ожидать, что на десятилетнем горизонте произойдет более чем один глобальный кризис (который будет и слабее, и короче кризиса 2007—2009 годов).

2. Зависимость российской экономики и, что более важно, федерального бюджета от мировых цен на нефть крайне велика. Но пока не видно причин для сильного (25 проц. и более) и долгосрочного снижения мировых цен на нефть⁹. Набор аргументов в пользу этой позиции достаточно убедителен:

- страны ОПЕК (Саудовская Аравия) уже подогнали свои бюджетные расходы к текущим уровням цен и сегодня, скорее,

готовы двигаться в сторону снижения добычи, чем наращивать ее с одновременным снижением цен;

- Россия не может нарастить добычу нефти, но вряд ли пойдет и на ее сокращение. Последнее возможно только в случае, если страны Запада объявят бойкот российской нефти, а глобальным компаниям запретят технологическое сотрудничество с нефтяной отраслью России (но это выходит за рамки базового сценария);

- влияние сланцевого газа на десятилетнем горизонте будет слабым. В Европе его добыча в значимых объемах не начнется (может быть, за исключением Великобритании, но это будет компенсировать спад добычи газа в Северном море). Импорт газа из Америки будет ограниченным, так как это немедленно приведет к росту цен на газ в США, что подорвет экономику многих инвестиционных проектов;
- в мире пока не существует экономически оправданных технологий, позволяющих отказаться от двигателя внутреннего сгорания в автомобиле, которые находились бы на стадии внедрения. А автомобильный транспорт потребляет примерно 50 проц. производимой в мире нефти. Хотя технологические усовершенствования позволяют снизить потребление бензина современными автомобилями¹⁰, рост уровня жизни в развивающихся странах будет способствовать росту автомобилизации, и тем самым указанное снижение будет компенсировано.

3. Важным трендом развития нефтегазовой отрасли России станет постепенное истощение крупных, хорошо освоенных месторождений Западной Сибири и перемещение добычи в Восточную Сибирь и на северный шельф. Согласно прогнозным оценкам Минэнерго, к 2025 году примерно четверть российской нефти будет добываться в новых регионах (менее 5 проц. сегодня). Поскольку

освоение и разработка новых месторождений является существенно более дорогой, то российское правительство пошло на снижение (и временами отказ от взимания) экспортной пошлины при экспорте нефти с этих месторождений. Если предположить, что в среднем снижение экспортной пошлины составит 50 проц., то это приведет к снижению доходов федерального бюджета примерно на 5–7 проц. (при прочих равных условиях)¹¹.

4. Напряжение в бюджетной системе России постепенно будет нарастать. Резкое

нет 3–4 проц. ВВП. Это вряд ли приведет к быстрому росту госдолга, так как дефицит будет финансироваться главным образом за счет внутренних источников и, следовательно, обесцениваться из-за текущей инфляции.

5. Финансовое положение регионов будет ухудшаться быстрее, так как их доходы в большей мере зависят от внутренней конъюнктуры (налог на прибыль, подоходный налог), но при этом регионы не способны повлиять на налоговые ставки или изменить базу налогообложения¹². С другой стороны,

“Начиная с 2017–2018-го, дефицит федерального бюджета России будет медленно расти и к 2025 году достигнет 3–4 проц. ВВП”.

замедление роста экономики приведет к крайне медленному росту или стагнации доходов бюджетной системы в реальном выражении. Уже сегодня для того, чтобы уложиться в заданные бюджетные ограничения российским властям приходится идти на сокращение инвестиционных расходов и активно прибегать к использованию несистемных источников (конфискация пенсионных сбережений 2014-го, использование средств Фонда национального благосостояния) или к открытому эмиссионному финансированию со стороны Банка России (кредитование ВЭБа, кредитование банков под залог долгосрочных кредитных договоров). При планировании бюджетов 2013–2015 годов Минфин России активно сдвигал расходы по финансированию многих обещаний Владимира Путина (майские указы), сроки которых не были жестко привязаны к периоду 2016–2018 годов, что неизбежно будет вести к росту давления на расходную часть бюджета. В рамках базового сценария можно предположить, что начиная с 2017–2018-го дефицит федерального бюджета России будет медленно расти (например, на 0,3 проц. ВВП в год) и к 2025 году достиг-

регионы будут вынуждены наращивать расходы или изменять их структуру, так как именно на них в значительной мере возложены обязательства по выполнению «майских указов» Владимира Путина. Представляется, что постепенно регионы сократят до минимума свои инвестиционные проекты и продолжат наращивание долгов. В рамках выстроенной вертикали власти Минфину России придется всё активнее брать на себя дополнительные функции по контролю за бюджетами регионов и в конечном итоге также и ответственность за их расходы¹³. Постепенно бюджетная конструкция будет все отчетливее трансформироваться из федеративной в унитарную. Впрочем, этот процесс начался еще в 2003-м под руководством тогдашнего министра финансов Алексея Кудрина.

6. На рассматриваемом горизонте самую серьезную угрозу устойчивости экономики создает инфляционно-девальвационная спираль. С лета 2011-го российская экономика начала ощущать постепенное исчезновение нефтяной подушки безопасности — курс рубля (к бивалютной корзине) начал потихоньку снижаться. К лету 2013-го этот запас

прочности исчез совсем, и снижение курса рубля ускорилось. Как только население осознало этот факт, люди начали конвертировать свои сбережения в валюту: наличность активнее, депозиты — помедленнее. С января 2014 года ослабление курса рубля стало сказываться на инфляции примерно с коэффициентом 0,1. Судя по всему, в ближайшие годы трендовое ослабление рубля (которое будет обеспечивать устойчивость платежного баланса при умеренных — до 50 млрд дол. в год — продажах валюты Центральным банком) составит 12–15 проц. в год¹⁴. Такая девальвация будет

объемы рисков. Постоянная девальвация либо (А) сделает рублевые депозиты непривлекательными для населения, и банки должны будут привлекать валюту, но выдавать кредиты экономике в рублях, либо (В) сделает рублевые кредиты очень дорогими для экономики, что подорвет финансовые механизмы поддержки экономического роста¹⁵.

9. Серьезнейшей проблемой российской экономики в прогнозном и постпрогнозном периоде (безотносительно к политическому режиму и проводимой политике) является демография. Все прогнозы говорят о грядущем

“Базовый экономический сценарий предполагает стагнацию экономики с возможным чередованием периодов медленного роста и незначительных спадов”.

постепенно разогревать инфляцию, которая к 2018-му может превысить 10 проц. в год, а к 2025-му — 20 процентов.

7. Нет оснований утверждать, что российское население будет остро и активно реагировать на рост инфляции — такого не было в течение последних двадцати лет, хотя в социологических опросах респонденты часто называли рост цен в числе главных проблем. Да, уровень жизни значительной части населения перестанет расти, что приведет к снижению рейтингов поддержки политических лидеров, но это вряд ли отразится на электоральных результатах. Последние поправки в избирательное законодательство однозначно говорят о том, что российская власть приняла решение не допустить сколько-либо серьезной потери позиций ни на федеральном, ни на региональном уровне. Иными словами, никакой реальной политической конкуренции на выборах здесь не будет.

8. Инфляционно-девальвационная спираль будет влиять на экономику через ослабление устойчивости банковской системы, которой придется брать на себя все большие

решением резком снижении численности рабочей силы, которую не сможет компенсировать приток мигрантов из Средней Азии¹⁶. В теории Россия могла бы преодолеть негативный эффект (сокращение рабочей силы плюс относительный рост численности неработающего населения) за счет повышения производительности труда, но этот сценарий требует масштабных инвестиций. Между тем при нынешнем качестве инвестиционного климата и нынешнем уровне защиты прав собственности и контрактного права привлечение масштабных инвестиций крайне маловероятно. Соответственно, в отсутствие значимых инвестиций в России будет работать обратная зависимость — для того, чтобы поддерживать нынешние масштабы экономической деятельности, потребуется как минимум сохранять стабильную численность рабочей силы¹⁷. Если же (независимо от причин) России не удастся удерживать объем рабочей силы на стабильном уровне, это станет действенным фактором снижения темпов экономического роста.

10. Нарастающий дефицит квалифицированной рабочей силы будет толкать бизнес

к повышению зарплат для удержания работников. (Кроме того, бизнесу придется реагировать на то, что бюджет время от времени будет инициировать гонку зарплат.) Это приведет к повышению удельных расходов экономики на рабочую силу, что, в свою очередь, снизит инвестиционную привлекательность. Получается своеобразный заколдованный круг, из которого трудно вырваться любому правительству, а тем более такому популистскому, как путинское.

11. Демографические ограничения сами по себе не будут создавать угрозы режиму в экономике — они будут сдерживать рост, содействовать разогреву инфляционного давления, противодействовать появлению высокотехнологичных отраслей. Но не более того.

12. В целом базовый экономический сценарий предполагает стагнацию экономики с возможным чередованием периодов медленного роста и незначительных спадов, нарастающие бюджетные проблемы, рост инфляции и перманентно слабеющий рубль. Неготовность Владимира Путина идти на серьезные политические реформы, связанные с восстановлением верховенства права и созданием независимой судебной системы, будет главным препятствием на пути улучшения инвестиционного климата в стране. Без этого российская экономика не сможет рассчитывать на устойчивый рост инвестиций и в результате будет все больше отставать и по уровню развития, и по качеству жизни населения не только от развитых, но и от стран-конкурентов. Хотя все эти экономические процессы будут крайне неприятны для властей, в базовом сценарии количество не переходит в качество, и экономическая ситуация не доходит до критической. Перевести негативные процессы в кризисные могут какие-то триггеры. Такими триггерами могут стать решения властей более активно использовать административные рычаги регулирования экономики, к числу которых относит-

ся, например, введение контроля над ценами или масштабные ограничения на использование депозитов (запрет на досрочное снятие), а также политические изменения в стране (смена лидера) или внешние факторы.

Сценарий Б: самоизоляция

В рамках данного сценария предполагается рост напряженности в политических отношениях с Западом, что, с одной стороны, будет вести к постепенному углублению и расширению экономических санкций против России, а с другой стороны, к ее постепенной самоизоляции от мировой экономики в соответствии с решениями политического руководства. Россия занимает слишком большую долю на мировых сырьевых рынках, и даже в среднесрочной перспективе закрыть ей дорогу к потребителям будет невозможно — мировой спрос на сырье не может резко сократиться. Если европейский рынок окажется закрыт для российских компаний, они будут объективно переключаться на поиск потребителей в Азии (Китай и Индия) и Африке. Очевидно, что переключение на новые рынки сбыта не может пройти одновременно, и российская экономика должна будет пойти на временное снижение объемов производства, на рост транзакционных издержек и на снижение экспортных цен (как это происходит в случае с Ираном, который живет под санкциями уже несколько лет и предоставляет Китаю 20–25-процентные скидки к цене на нефть). Самыми болезненными для России станут финансовые санкции (запрет для западных банков на обслуживание счетов российских банков и запрет на страхование и перестрахование российских рисков). В сегодняшнем мире есть две глобальные валюты — доллар и евро, которые обслуживают основную долю мировой торговли. В случае введения финансовых санкций российские банки утратят возможность использовать мировые валюты второго

уровня – Великобритании, Швейцарии, Канады, Австралии и т. д. Это означает, что им придется выстраивать сложные и дорогие финансово-логистические схемы с использованием китайского юаня, индийской рупии, бразильского реала, что приведет к существенному удорожанию российского импорта и еще более разогреет инфляцию. Высокий уровень санкций против России, который рассматривается в рамках данного сценария, может привести к запрету на экспорт в Россию запасных частей и комплектующих для ранее проданных товаров (промышленное оборудование и потребительские товары). Результатом станет постепенное обветшание и промышленных мощностей, и домашнего оборудования, и автомобильного парка. Представляется, что сильный негативный эффект от такого сценария может наступить не ранее, чем через пять лет после начала его реализации. Однако на протяжении этого периода отток капитала из России резко усилится, годовые объемы продаж валюты Банком России могут составлять до 100 млрд дол., что быстро приведет к их исчерпанию.

После этого самым серьезным следствием финансовых санкций может стать превращение рубля в неконвертируемую валюту и исчезновение легального внутреннего валютного рынка. Российские власти должны будут принять решение о принудительной конвертации валютных депозитов и кредитов в рублевые, об ограничении свободы обмена рублей на иностранные валюты, а также ввести рационирование (распределение) поступающих в экономику валютных ресурсов. Это будет подталкивать российский бизнес к еще более интенсивному выводу капитала из страны (уже в основном в полуправовых формах), а наиболее активную часть населения к трудовой эмиграции в Восточную Европу. Столкнувшись с этим, власти могут начать масштабную юридическую или фак-

тическую национализацию сырьевых компаний. Российские банки и компании, которые активно занимали средства на внешних рынках, в массовом порядке объявят дефолт по своим долгам, что окончательно изолирует финансовую систему России от мировой.

В результате такого развития событий негативные тренды, которые существуют в базовом сценарии (инфляция, девальвация, дефицит квалифицированной рабочей силы), будут развиваться с существенно более высокой скоростью; экономика будет устойчиво сокращаться, уровень жизни населения – снижаться. В таком сценарии к 2025 году Россия окончательно выйдет из категории развивающихся стран. Наиболее близкими историческими аналогиями для нее в долгосрочной перспективе станут, в лучшем случае, Аргентина XX века (то есть экономика страны будет топтаться на одном уровне, со слабой тенденцией к росту, заметно более медленному, чем у сопоставимых стран) или Заир/Зимбабве. При наихудшем развитии событий экономика страны рискует потерять 20–30 проц. в течение 15–20 лет. Однако и в этом сценарии негативные экономические процессы могут привести к политическим переменам в пределах нашего прогнозного периода только в случае появления сильнодействующих триггеров.

Сценарий В: смена веков

В рамках данного сценария можно предположить, что в середине прогнозного периода (2018–2019 годы) в России происходят серьезные политические изменения (мы не обсуждаем ни их причин, ни механизмов, ни форм реализации). Эти изменения приводят к тому, что власть начинает реагировать на накопившиеся экономические проблемы и радикально меняет экономическую политику. Очевидно, что эти изменения могут быть направлены как на усиление административного контроля за экономикой,

так и на постепенное преодоление коренных причин нынешнего положения дел. Первый вариант будет толкать Россию в сторону сценария «Самоизоляция», поэтому его описание можно не повторять. Второй — может создать основу для иного развития событий. Попробуем пофантазировать на эту тему. Итак, в рамках новой политико-экономической парадигмы российские власти¹⁸:

- решительно реформируют судебную систему с целью придания ей независимости — происходит пересмотр наиболее резонансных дел, виновные в злоупотре-

их возникновения. В случае выявления признаков коррупции эти активы конфискуются в пользу государства и передаются в собственность Пенсионного фонда;

- происходит резкое снижение административного регулирования бизнеса со стороны государства и массивная приватизация государственной собственности;
- создается должность независимого прокурора по борьбе с коррупцией;
- проходят досрочные выборы в Государственную думу, к которым не допускаются те лица, которые голосовали за

“Самым серьезным следствием финансовых санкций может стать превращение рубля в неконвертируемую валюту и исчезновение легального внутреннего валютного рынка”.

блении правом и в давлении на суд несут наказание; происходит очищение системы от судей, которые скомпрометировали себя; создается верховная апелляционная инстанция с привлечением иностранных судей, которая вправе пересматривать решения российских судов, вплоть до принятия решений о реституции собственности; на работу в судебную систему привлекаются свежие кадры;

- реформируется система правоохранительных органов с целью создания системы правоприменения и равенства всех перед законом — уничтожаются все ее части, выполнявшие функции политической полиции, проходит тотальная антикоррупционная проверка руководящего звена этих органов на федеральном, региональном и местном уровнях с рассмотрением даже анонимных заявлений; из системы увольняются те, кто участвовал в политических процессах или в рейдерско-рекетирских операциях;
- замораживаются активы «новых олигархов» и проводится расследование истории

принятия наиболее одиозных законов.

Резко ослабляются ограничения для участия партий в выборах;

- восстанавливаются федеративные основы государства — меняется избирательное законодательство, президент теряет право назначения и снятия губернаторов, отменяется система муниципальных фильтров; пересматривается распределение налогов и расходных обязательств между уровнями власти; восстанавливается система бюджетного федерализма, основанная на законодательных принципах предоставления межбюджетных трансфертов;
- резко ослабляются ограничения на участие иностранного капитала в российской экономике.

Такой набор шагов, конечно, не может быть реализован в течение одного месяца и не способен привести к резкому улучшению экономической ситуации в стране. Но для инвестиционного климата важны и политические намерения, и последовательность движения в объявленном направлении. В результате через два-три года российская экономи-

ка начинает ощущать новые жизненные силы и постепенно преодолевать накопленные негативные тренды.

* * *

Как и к любой другой попытке сценарного прогнозирования ко всему изложенному выше нужно относиться с полным пониманием того, что в распоряжении автора нет никакой «машины времени» или магического зеркала, которые могут помочь ему заглянуть в будущее. Свою задачу автор видел в том, чтобы выделить те тренды, которые сформировались в российской экономике к настоящему времени. Кроме того, предпринята попытка определить те ограничения, в рамках которых будут действовать российские власти, и обратить внимание на ключевые внешние (по отношению к действиям властей) факторы, которые будут оказывать существенное воз-

действие на развитие экономики, и на этой основе продлить действие выявленных трендов на прогнозный период. Автор не является сторонником апокалиптических прогнозов, в которых на коротком промежутке времени происходят сначала катастрофы, а затем преодоление их последствий. Для этого пришлось бы каким-то образом преодолеть инерционность экономики, в которой принимаемые сегодня решения могут давать результат лишь через два-три года. Это потребовало бы не только найти рецепты политических и институциональных реформ в России (верховенство права, защита прав собственности, федеративное государство, система разделения властей и политических сдержек и противовесов), но и понять, кто, когда и почему может стать их движущими силами. Одним словом, все сказанное выше является лишь пищей для размышлений. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Так случилось и в 2013–2014 годах.

² http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=credit_statistics/debt_maturity.htm&pid=svs&sid=vdRF_fisp

³ Например, Глобэкс-банк, который за счет краткосрочных депозитов населения финансировал долгосрочные девелоперские проекты своего собственника; или банк КИТ-Финанс, который на заемные средства организовал массивную покупку акций телекоммуникационных компаний.

⁴ См.: Выступление первого заместителя председателя Банка России Алексея Улюкаева на XVII Российском банковском форуме, организованном Институтом Адама Смита в Лондоне в ноябре–декабре 2010-го.

⁵ Представляется, что в личной системе важнейшим приоритетом для Путина является удержание власти. В этой связи, рассматривая варианты решения любой другой проблемы, он соотносит возможные решения с ответом на вопрос: «Это ослабит или усилит возможности удержания власти?» Если ответ — «ослабит», то у такого решения нет никаких шансов на принятие.

Эта конструкция позволяет объяснить, почему Путин категорически отказывается не только двигаться в сторону независимости суда и демократических принципов формирования власти, но и даже обсуждать эти темы.

⁶ У меня лично эта реформа вызывает неоднозначное отношение. С одной стороны, низкая ставка подоходного налога примирила государство и налогоплательщика, сделала российскую юрисдикцию привлекательной для физических лиц. С другой стороны, низкая ставка подоходного налога делает многих граждан нечувствительными к налогам, что одновременно резко снижает их интерес к контролю за государством в части расходования бюджетных средств.

⁷ Подробное описание реформаторских намерений, содержащихся в так называемой «программе Грефа», и историю того, как постепенно они либо блокировались, либо выхолащивались, можно найти в ежегодных выпусках «Обзоров российской экономики», выпускаемых Институтом экономики переходного периода (ныне — Институт Гайдара).

⁸ В 2003–2004 годах Генпрокуратура в очередной раз начала расследование процесса приватизации Норильского никеля, угрожая Потанину и Прохорову судебными исками по примеру ЮКОСа. Этот эпизод немедленно завершился после того, как Потанин написал письмо Путину, где очень четко обозначил свою позицию: «Хотите отобрать? Так и скажите — отдам без промедления и сопротивления. Потому как понимаю правила игры». Такую же позицию в кризис 2008-го продекларировал Дерипаска, когда заявил, что готов отдать РУСАЛ государству в обмен на его поддержку деньгами ВЭБа.

⁹ Краткосрочные снижения цен на нефть бюджет компенсирует Резервным фондом и девальвацией рубля.

¹⁰ Не стоит забывать, что средний возраст автомобильного парка, например, в США составляет 11,4 года, то есть для получения полномасштабного эффекта от новых технологий потребуется не менее 6–7 лет.

¹¹ Скорее всего, в силу соглашений о создании Таможенного союза России придется пойти на резкое снижение размера экспортной пошлины или на полную ее отмену, но очевидно, что в таком случае российские власти создадут альтернативный механизм налогообложения нефтяной отрасли, который как минимум не приведет к снижению доходов бюджета.

¹² Введение налога на недвижимость, который может укрепить доходы регионов, тормозится неготовностью налоговых правил и незавершенной работой по созданию глобального реестра недвижимости.

¹³ <http://www.vedomosti.ru/opinion/news/26510851/devalvaciya-ukazov>

¹⁴ У девальвации рубля есть побочный положительный (для бюджета) эффект: в 2013-м 50 проц. доходов федерального бюджета были привязаны к долларовой цене на нефть, а еще 13 проц. доходов составляли НДС и акцизы на импорт, также имеющие под собой валютное основание. Это означает, что 10-процентная девальвация рубля (при прочих равных условиях) ведет к росту доходов федерального бюджета на 5–6 процентов.

¹⁵ С точки зрения устойчивости платежного баланса и давления на курс рубля, значимым фактором (помимо счета текущих операций), безусловно, является интенсивность оттока капитала из России. Для базового сценария мы исходим из её «нормальной» величины, а повышенный отток капитала будет являться элементом пессимистического Сценария Б.

¹⁶ С одной стороны, и в этих регионах ресурсы рабочей силы не безграничны, это — не Китай. С другой стороны, приезжающие в Россию работники существенную часть своих заработков отправляют на родину, что снижает потребление внутри России и давит на платежный баланс. Кроме того, не будучи вовлеченными в систему уплаты налогов, они будут создавать «бюджетные ножницы» — относительное падение доходов бюджета и рост спроса на бюджетные услуги (образование и здравоохранение).

¹⁷ Или же добиваться ее роста (в силу более низкого профессионального качества иностранных работников).

¹⁸ Перечень ключевых шагов заведомо является неполным, и каждый желающий может его расширить, последовательность перечисления ключевых шагов не является отражением каких-либо приоритетов.